

Великая Отечественная: Неизвестная война
Владимир Бешанов

ГОД
1943-
«ПЕРЕЛОМНЫЙ»

Великая Отечественная: Неизвестная война

Владимир Бешанов

Год 1943 – «переломный»

«Яуза»

2008

Бешанов В.

Год 1943 – «переломный» / В. Бешанов — «Яуза»,
2008 — (Великая Отечественная: Неизвестная война)

ISBN 978-5-699-27993-7

Новая книга популярного историка рассказывает о коренном переломе в ходе Великой Отечественной войны. 1943 год открыл для Красной Армии «эру победных салютов». Остались в прошлом панические отступления и танкобоязнь, перебои со связью и лобовые атаки без артподготовки. Не было больше абсолютного превосходства вражеской авиации и ежедневных выматывающих душу налетов пикирующих бомбардировщиков. Однако наша артиллерия по-прежнему была не столько по целям, сколько по площадям; взаимодействие между родами войск не было отработано, а людские потери оставались неоправданно высокими. И все же стратегическая обстановка понемногу менялась в пользу Красной Армии, которая вместе с опытом обретала веру в победу. По свидетельству писателя-фронтовика Василя Быкова: «Война учила. Постепенно военные действия, особенно на низшем звене, стали обретать элемент разумности...» Давшийся большой кровью опыт позволил в 1943 году одержать победы в сражениях за Сталинград, под Ржевом и на Курской дуге. Впереди были «десять сталинских ударов», изгнание врага за пределы СССР, освобождение Европы, штурм Берлина и окончательный разгром фашизма...

ISBN 978-5-699-27993-7

© Бешанов В., 2008

© Яуза, 2008

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Часть 1	8
ДАЕШЬ РОСТОВ!	10
НА КАВКАЗЕ	27
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Владимир Бешанов

Год 1943 – «переломный»

Тысячи солдат шли на запад в эту холодную, страшную ночь. Но они были веселы, удивительно веселы и счастливы и громко говорили про Сталинград и про то, что они совершили там. На запад, на запад! Многим ли – невольно спрашивал я себя – суждено увидеть конец пути? Но они знали, что направление это верное. Быть может, еще мало кто думал о Берлине, но многие, должно быть, о своем родном доме на Украине. В валенках и ватниках, в меховых шапках-ушанках, с автоматами в руках, со слезящимися глазами и инеем на губах они шли на запад. Насколько это было приятнее, чем идти на восток!

Александр Верт. Россия в войне

ПРЕДИСЛОВИЕ

На советской улице стоял январь и обещанный Вождем праздник. Под Сталинградом на глазах изумленного мира агонизировала сильнейшая из армий Вермахта; в заснеженных приволжских степях замерзало, доедая лошадиные мослы, отборное немецкое воинство.

Войска Юго-Западного и Сталинградского фронтов, осуществив классическую операцию на окружение, отбросили врага на 150 – 250 километров и вышли на линию Новая Калитва – Миллерово – Морозовск – Тормосин – Котельниковский. В обороне противника зияли бреши протяженностью в десятки километров. Германское командование напрягало силы, чтобы остановить продвижение русских и стабилизировать положение, но поздно, поздно: резервов под рукой не было, для замены «сгоревших» на Востоке немецких, румынских, итальянских дивизий требовалось время.

Стратегическая обстановка резко изменилась в пользу Красной Армии.

Эта армия во многом отличалась от РККА образца 1941 года. Она изменилась качественно и преобразилась внешне. Она обрела веру в победу и в свое командование. Она училась войне на войне, ценой невиданных потерь усваивая навыки ратной работы.

«Война, однако, учила, – писал Василь Быков, – не прежняя, довоенная наука, не военные академии, тем более краткосрочные и ускоренные курсы военных училищ, но единственно личный боевой опыт, который клался в основу боевого мастерства командиров. Постепенно военные действия, особенно на низшем звене, стали обретать элемент разумности... В то время как в войсках жестоко пресекался всякий намек на какое-нибудь превосходство немецкой тактики или немецкого оружия, где-то в верхах, в Генштабе, это превосходство втихомолочку учитывалось и из него делались определенные негласные выводы».

Советские войска получили новый Боевой устав пехоты, соответствующий современным методам ведения войны. В практику внедрялись новые принципы организации и тактического применения артиллерии, бронетанковых сил и авиации.

С упразднением института военных комиссаров в Красной Армии установилось полное единоначалие, и, судя по дальнейшему ходу событий, ей это пошло на пользу.

Армия, в которой до войны культивировалась ненависть к «золотопогонникам», готовилась примерить погоны.

Бесперебойно и во все более возрастающем количестве фронт получал вооружение, боеприпасы, продовольствие, снаряжение. Вступили в строй и начали давать продукцию крупные предприятия, построенные на востоке страны. Советская система продемонстрировала высокую эффективность организации военного производства.

На торжественном заседании Московского совета И.В. Сталин отмечал: «Перед нами не стояли уже такие задачи, как эвакуация предприятий на восток и перевод промышленности на производство вооружения. Советское государство имеет теперь слаженное и быстро растущее военное хозяйство. Стало быть, все усилия народа могли быть сосредоточены на увеличении производства и дальнейшем совершенствовании вооружения, особенно танков, самолетов, орудий, самоходной артиллерии. В этом мы достигли крупных успехов».

Началась, по выражению И. Эренбурга, «глубокая война», война на измор, заведомо проигрышная для Третьего рейха. Во втором полугодии 1942 года промышленность Германии произвела 4,8 тысячи минометов и 20 тысяч орудий. СССР соответственно 107,1 и 73 тысячи. За этот же период Германия выпустила 3 тысячи танков и самоходных установок, 5,7 тысячи самолетов – свыше 8 тысяч и того и другого. Советский Союз обладал куда большими людскими резервами, которые расходовал с фантастической, поражающей противника щедростью. Учитывая возрастающий вклад в общее дело англо-американских союзников, в конечном разгроме немцев уже не могло быть сомнений.

Маршал А.М. Василевский вспоминает: «В те дни, оглядываясь на пройденные страной полтора военных года и ведя бои глубоко в пределах родной земли, мы твердо верили, что главные трудности позади. Победа в Сталинграде, ясная цель, все возрастающая мощь тыла – все это вдохновляло и звало вперед, к окончательной победе».

Пока войска Донского фронта ликвидировали окруженную группировку Паулюса, Красная Армия, перехватив инициативу, перешла в общее зимнее наступление по всей протяженности советско-германского фронта. Но основные события должны были развернуться на южном крыле.

Главное внимание Ставка Верховного Главнокомандования уделяла развитию успеха на донбасском и ростовском направлениях. Для чего:

Юго-Западному фронту предстояло выдвинуться к Северскому Донцу и нанести глубокий удар через Горловку на Мариуполь, с выходом к Азовскому морю;

Воронежскому фронту при содействии Брянского и Юго-Западного фронтов предстояло нанести поражение главным силам группы армий «Б» и освободить Харьков;

Южному фронту ставилась задача ударами на Ростов и Тихорецкую выйти в тыл окопавшейся на Кавказе немецкой группе армий «А» и перехватить наиболее вероятные пути ее отступления через Дон в Донбасс.

Одновременно предусматривались меры, чтобы не допустить отхода противника с Северного Кавказа на Таманский полуостров с последующей переправой в Крым. Этому должна была воспрепятствовать Черноморская группа войск Закавказского фронта ударом на Краснодар, Тихорецкую, на соединение с войсками Сталинградского фронта. Северная группа войск должна была связать немцев боями, не позволяя им уйти из задуманного котла. Таким образом, в Москве готовили сразу два новых Сталинграда – окружение не менее 60 дивизий противника.

Германское командование, в свою очередь, стремилось решительным образом улучшить оперативно-стратегическое положение на южном крыле Восточного фронта. Решение по этому вопросу было изложено в оперативном приказе № 2 от 28 декабря 1942 года. В нем указывалось, что следует создать условия для освобождения 6-й армии и избегать «новых котлов, которые могут возникнуть вследствие отхода союзных войск, образования выступов фронта, обороняемых собственными слабыми частями, или создания противником на отдельных участках большого превосходства». Планировалось также нанести ряд ударов, чтобы «вырвать инициативу у русских на некоторых участках маневренными действиями».

Учитывая угрозу выхода советских войск в тыл группе армий «А», было принято решение последовательно отвести свои войска из юго-восточной части Северного Кавказа. Группе армий «Дон» предписывалось сдерживать наступление Красной Армии восточнее Ростова.

В том же приказе войска получили указание немедленно «подготовить крупный плацдарм у Ростова», создать новый сплошной фронт обороны по линии Новая Калитва – Армавир – Майкоп – Новороссийск с расчетом удержать Донбасс и значительную часть Северного Кавказа. После этого предполагалось объединить силы групп армий «Дон» и «А» под общим командованием фельдмаршала Манштейна.

Начинался 1943 год.

Год, который назовут переломным.

Год, открывший «эру победных салютов».

Самый кровавый год Великой Отечественной войны.

Часть 1

НАИБОЛЕЕ ЗАХВАТЫВАЮЩИЙ ЭТАП

На южном крыле советско-германского фронта разворачивалось грандиозное сражение, ставшее, по определению Манштейна, «наиболее захватывающим этапом» Второй мировой войны: «Германская армия в этой кампании не могла уже больше рассчитывать на завоевание победы. Ввиду ошибок, допущенных в проведении летне-осенней кампании 1942 года, в ней речь могла идти только о том, чтобы «справиться с поражением», как выразился однажды Шлиффен».

Как уже говорилось, общий замысел задуманной советской Ставкой операции состоял в том, чтобы согласованными ударами войск Сталинградского и Закавказского фронтов с северо-востока, юга и юго-запада окружить, расчленить и разгромить главные силы группы армий «А» генерала Эвальда фон Клейста, не допустить ее отхода с Северного Кавказа.

Сталинградский фронт под командованием генерал-полковника А.И. Еременко получил задачу нанести главный удар армиями правого крыла – 5-й ударной и 2-й гвардейской – вдоль нижнего течения Дона в общем направлении на Ростов и отрезать соединениям группы армий «А» пути отхода на север. Войскам левого крыла – 51-я и 28-я армии – предстояло наступать через Сальск на Тихорецкую, навстречу войскам Закавказского фронта, чтобы совместно с ними окружить и уничтожить вражескую группировку в междуречье Кубани и Маныча. Наступление поддерживала 8-я воздушная армия генерал-майора Т.Т. Хрюкина.

Закавказский фронт под командованием генерала армии И.В. Тюленева, развернутый в 1000-километровой полосе от Ачикулака до Новороссийска, должен был сосредоточить усилия на своем левом крыле. Ему предстояло основными силами Черноморской группы, которой командовал генерал-лейтенант И.Е. Петров, прорвать оборону противника и развивать наступление на Краснодар, Тихорецкую. Трем советским армиям (47, 56, 18-й) на этом направлении противостояли 12 дивизий, входивших в состав 17-й армии генерала Рихарда фон Руоффа, в том числе 5 румынских и одна дивизия словаков. На правом крыле фронта, в районах Моздока и Нальчика, находилась Северная группа войск под командованием генерал-полковника И.И. Масленникова (44, 58, 9, 37-я армии, 4-й, 5-й гвардейские кавалерийские корпуса). Войска этой группы получили задачу не допустить отхода противника, прижать его основные силы к Главному Кавказскому хребту и ликвидировать их. Против Северной группы действовала 1-я танковая армия генерала кавалерии фон Макензена в составе шести дивизий (3-я и 13-я танковые, 50, 111, 370-я пехотные, 2-я румынская горнострелковая) и боевой группы полковника Иоахима фон Юнгшульца. Последняя представляла собой кавалерийский полк численностью полторы тысячи человек, сформированный из немцев и кубанских казаков и обеспечивавший боевое охранение в калмыцких степях.

На перевалах в полосе более чем 400 километров 46-я армия генерал-лейтенанта К.Н. Леселидзе вела бои местного значения с тремя дивизиями 49-го горнострелкового корпуса генерала Рудольфа Конрада.

Черноморский флот, оказывая содействие группе войск Петрова, должен был частью сил развернуть активные действия на вражеских коммуникациях, а также подготовить высадку десанта в тыл противника.

Действия наземных войск Закавказского фронта обеспечивали 4-я и 5-я воздушные армии, которыми командовали генералы Н.Ф. Науменко и С.К. Горюнов. К началу наступления армии были усилены девятью авиаполками, имевшими на вооружении около 200 самолетов. Общее руководство ВВС фронта осуществлял генерал-майор К.А. Вершинин.

Таким образом, окружать, «прижимать» и ликвидировать 22 дивизии группы фон Клейста на Северном Кавказе готовились 37 стрелковых и 7 кавалерийских дивизий, 35 стрелковых и 8 танковых бригад, насчитывавших в своих рядах почти 686 тысяч бойцов и командиров, поддерживаемых 6000 орудиями и минометами, 545 танками и 600 боевыми самолетами. К последним надо добавить 289 самолетов Черноморского флота и бомбардировщики 50-й авиадивизии дальнего действия. Что касается немецкой авиации, то очерк боевого пути 5-й воздушной армии сообщает: «В середине декабря авиация противника насчитывала уже 170 самолетов, а к концу месяца – 130. Еще 100 экипажей было переброшено на Сталинградский и Донской фронты. По сравнению с ноябрем количество самолето-вылетов уменьшилось в 5 раз, а групповых бомбардировочных налетов вообще не было».

При подготовке операции большие трудности встретились в материально-техническом обеспечении войск. Базы снабжения Сталинградского фронта находились в 300 – 350 километрах от войск, а приблизить их было невозможно до ликвидации окруженной группировки противника под Сталинградом, являвшимся крупным узлом коммуникаций. Соединения и части испытывали острую нужду в боеприпасах и горючем.

Еще труднее приходилось Закавказскому фронту, которому предстояло произвести сложную перегруппировку войск в короткие сроки, снабдить их всем необходимым, значительно усилить Черноморскую группу танками и артиллерией. Каспийские коммуникации длительное время оставались почти единственными путями подвоза личного состава и материальных средств из восточных и центральных районов страны в Закавказье. Удлинение маршрутов и необходимость перевалки грузов с железнодорожного транспорта на водный и обратно немалого увеличили время поставок. К примеру, транспорт №-83/0418 – 110 тысяч 82-мм и 120-мм мин, отправленный с Урала 1 сентября 1942 года, к месту назначения прибыл ровно через три месяца. Горная местность и слаборазвитая дорожная сеть затрудняли переброску личного состава, техники, имущества непосредственно на передовую. На некоторых участках основным средством подвоза являлись вьючные роты со штатом в 100 ишаков и общей грузоподъемностью 4 тонны. Для обеспечения войск, действовавших на новороссийском и туапсинском направлениях, использовались суда Черноморского флота.

ДАЕШЬ РОСТОВ!

1 января 1943 года, сразу по завершении Котельниковского сражения, похоронившего надежды германского командования на деблокирование армии Паулюса, войска Сталинградского фронта, переименованного в Южный (20 дивизий, 4 механизированных, 1 танковый корпус, 16 отдельных стрелковых и танковых бригад), без паузы повели наступление на Ростов и Тихорецкую. А перед фельдмаршалом Эрихом фон Манштейном встала задача невероятной сложности: предотвратить полный разгром всего южного крыла Восточного фронта.

При этом командующий группой армий «Дон» на 500 километров фронта на «линии огня» имел лишь 15 немецких дивизий. Состояние и качество этих соединений различались весьма. Если 6-ю дивизию генерала Рауса и 11-ю генерала Балка можно было с полным основанием считать танковыми, то 22-я дивизия «представляла собой груды развалин», и ее вскоре пришлось расформировать. От 57-го танкового корпуса генерала Кирхнера, пытавшегося в декабре прорваться к Сталинграду, почти ничего не осталось, «он буквально скорострительно скончался». Три авиаполевые дивизии Люфтваффе были еще вполне свежи и укомплектованы, но оценивались специалистами как «относительно боеспособные», что подтвердили первые же бои.

Союзные румыны буквально испарились с поля битвы: «7-я румынская пехотная дивизия самовольно отступила. Штаб 1-го румынского корпуса, которому был подчинен этот участок, в панике бежал со своего КП...

Как войска 7-го румынского корпуса, прикрывавшего восточный фланг армии со стороны Волги, так и войска 6-го румынского корпуса, задача которого состояла в прикрытии участка между 57-м танковым корпусом и Доном, утратили всякое стремление к дальнейшему проведению боевых действий. Отнюдь не последней причиной такой инертности было то, что командование этих корпусов не предпринимало должных мер к продолжению боя. Командующий 4-й румынской армией генерал-полковник Думитреску, на которого по-прежнему можно было положиться, был бессилен один бороться с деморализацией своих войск. Не оставалось ничего другого, как снять их с фронта и отправить в тыл, на родину».

По заснеженной степи бродили тысячи потерявшихся румын, «отчаянно разыскивавших русские питательные пункты и горевших желанием, чтобы их официально причислили к военнопленным». Генерал И.М. Чистяков приводит случай, когда к командному пункту Юго-Западного фронта прибудила рота румынских солдат, живо интересовавшихся вопросом «куда идти в плен?».

Севернее Миллерово, на левом фланге группы «Дон», где предполагалось наличие итальянской армии, зияла 100-километровая прореха, которую пытались залатать спешно созданное командованием группы «Б» соединение генерала Фреттер-Пико, состоявшее из двух дивизий – 304-й пехотной и 3-й горнострелковой. Против каждой из них действовало по армии Юго-Западного фронта – 6-я армия генерал-лейтенанта Ф.Х. Харитонов и 1-я гвардейская генерал-лейтенанта В.И. Кузнецова.

В большой излучине Дона на рубеже рек Быстрая и Цимла пыталась удержать позиции общей протяженностью в 200 километров оперативная группа генерала Холлидта (6, 11, 22-я танковые, 336, 62, 294, 387, 306-я пехотные, 7-я и 8-я авиаполевые дивизии). В районе немецких авиабаз Тацинской и Морозовска свирепо огрызнулся ее 48-й танковый корпус под командованием генерала Отто фон Кнобельсдорфа.

С севера и востока группу «Холлидт» непрерывно атаковали войска 3-й гвардейской, 5-й танковой и 5-й ударной армий.

Южнее Дона, на рубеже реки Куберле, оборонялись остатки 4-й танковой армии Германа Гота (17, 23-я танковые, 15-я авиаполевая, 5-я моторизованная дивизия СС «Викинг»).

Еще южнее, на линии реки Маныч, занимала отсечную позицию переброшенная от Элисты 16-я мотодивизия генерал-майора Герхарда фон Шверина. Войскам Гота приходилось отбивать натиск 2-й гвардейской, 51-й и 28-й армий.

В семи армиях Юго-Западного и Южного фронтов, рвавшихся расчленить и уничтожить группу армий «Дон», насчитывалось 720 тысяч человек. Семнадцать танковых и механизированных корпусов, сменяя друг друга, погибая и вновь восстанавливаясь, долбили трещавшую по швам немецкую оборону. Так, у генерала Еременко на 1 января имелось 700 танков (и он просил Ставку подкинуть еще штук 300 – 350); у генерала Гота – не более 70.

Возрождение танковых и механизированных войск в Красной Армии началось в марте 1942 года, когда приступили к формированию первых танковых корпусов. С одной стороны, решить эту задачу позволял значительный рост производства бронетанковой техники, с другой – этого требовал характер планируемых советским командованием операций, в ходе проведения которых предполагалось «добиться того, чтобы 1942 год стал годом окончательного разгрома немецко-фашистских войск и освобождения советской земли от гитлеровских мерзавцев».

По уточненному в июле штату в состав танкового корпуса входили три танковых и одна мотострелковая бригады, разведывательный и мотоциклетный батальоны, гвардейский минометный дивизион, насчитывавшие 7800 человек, 168 танков, 56 орудий (в том числе 12 противотанковых и 20 зенитных), 44 миномета, 8 реактивных установок, 871 автомобиль. В это же время был утвержден единый штат танковых бригад.

Механизированные корпуса, появившиеся в сентябре, должны были иметь по три механизированных и одну танковую бригады, истребительно-противотанковый и зенитно-артиллерийский полки, дивизион гвардейских минометов, бронеавтомобильный и ремонтный батальоны, вспомогательные части – 15 018 человек, 175 – 224 танка (на деле организация отличалась), 108 орудий (в том числе 36 противотанковых и 36 зенитных), 148 минометов, 1693 автомашины. Почти одновременно создавались тяжелые танковые полки прорыва. Полк состоял из четырех рот, по пять танков типа КВ или «Черчилль» в каждой, и роты технического обеспечения – 214 человек и 21 боевая машина.

К 1942 году относится опыт создания первых танковых армий смешанного состава. В них, наряду с двумя танковыми корпусами, включались отдельные танковые бригады, кавалерийские и стрелковые дивизии.

Штат немецкой танковой дивизии предусматривал наличие в строю 16 932 солдат и офицеров, 200 танков и самоходных установок, 222 орудия (в том числе 101 противотанковое и 63 зенитных) и 54 миномета, 2147 автомобилей. Таким образом, танковая дивизия Вермахта по боевым возможностям превосходила советский танковый корпус и примерно равнялась механизированному. В составе немецкой моторизованной дивизии, имевшей 14 000 человек, 129 орудий и 108 минометов, весной 1942 года появился танковый батальон – 60 танков.

К январю 1943 года в Красной Армии имелось 24 танковых и 8 механизированных корпусов. Из них в действующих войсках находились 19 (14 танковых и 5 механизированных), и все – на юге, в составе Юго-Западного, Южного и Донского фронтов. Согласно приказу Народного комиссара обороны № 325 от 16 октября 1942 года, их следовало применять в наступлении на направлении главного удара фронта **после преодоления общевойсковыми соединениями главной оборонительной полосы в качестве эшелона развития успеха** «с целью разобщения и окружения главной группировки войск противника и разгрома ее совместными действиями с авиацией и наземными войсками фронта». В обороне танковые соединения самостоятельных участков не получают, а используются для контрударов. Главная задача корпуса – не бои с танками противника, с ними должна бороться артиллерия, а уничтожение его пехоты. Попутно, в порядке ликбеза для своих генералов, Сталин разъяснял, что приме-

нять танки необходимо на танкодоступной местности, что перед их применением следует проводить тщательную разведку и не следует практиковать лобовые танковые атаки, что все рода войск должны на поле боя взаимодействовать между собой, и даже то, что грузовики являются не боевыми машинами, а транспортным средством, потому мотопехота в атаку должна идти в пешем порядке. Танковые командиры обязаны максимально использовать такие тактические приемы, как скрытность, внезапность, маневр, максимальную скорость, интенсивный огонь из всех видов оружия.

Золотые слова! Правда, трудновыполнимые в стране, приученной жить под лозунгами: «Дашь встречный план!», «Догнать и перегнать!», «Выполним и перевыполним!» или «Повторяйте смело подвиг Гастелло!» Наши начальники любили еще такую «мудрость»: «Войны без потерь не бывает».

Приказ № 325 «сыграл важную роль в развитии теории боевого применения танковых войск». Более того, до самого ее завершения он оставался единственным основополагающим документом по боевому использованию танковых оперативных соединений и объединений. Вот только в практике наших полководцев, всегда нацеленных на территориальный результат, он никакой роли не играл. Танковые корпуса почти всегда бросали на неподдавленную и неразведанную оборону, на минные поля и противотанковые орудия именно для того, чтобы, невзирая на потери, эту оборону поскорее прорвать. Маршал И.С. Конев, выражая свое несогласие со сталинским приказом, естественно, двадцать лет спустя, объяснял: «Я считал, что Ставка под давлением некоторых танковых начальников проявляла ненужные колебания, когда дело касалось ввода танковых армий в прорыв. Объяснялось это боязнью – добавлю, порой чрезмерной – подвергнуть танковые войска большим потерям в борьбе за передний край и за главную полосу обороны противника. Иметь такую технику и не использовать всю силу ее огня, маневра, а планировать прорывы так, как это делалось в Первую мировую войну, держа танки в бездействии, покуда пехота прогрызет оборону противника насквозь, – всегда мне представлялось ошибочным». В общем, по-другому, кроме как быть в избранном месте огромной плохо организованной массой, организовать прорыв не умели.

О менталитете советских генералов пишет Ф. Меллентин: «Они имели в своем распоряжении почти неисчерпаемые резервы живой силы. Русское командование может идти на большие жертвы и поэтому не останавливается ни перед чем». (В советском издании книги по поводу этой реплики возмущенная редакция сделала примечание: «Советские генералы и офицеры всегда проявляли разумную инициативу в бою и стремились добиться победы малой кровью».)

На обе ноги хромала скоропалительная подготовка командного и личного состава, который не умел толком пользоваться связью, стрелять, ездить, наблюдать, ориентироваться и принимать оптимальные решения на поле боя. Вот немец, едва приехав из Северной Африки, посмотрел, сравнил и пришел к выводу: «У русских экипажи танков, особенно в механизированном корпусе, вряд ли вообще проходили какую-либо подготовку». Не так прямо, но об том же при разборе Козельской наступательной операции говорил командующий 3-й танковой армией генерал П.С. Рыбалко: *«Надо воспитывать экипажи в духе дерзости, решительности ходить только на высоких передачах, подготовку механиков-водителей построить сейчас таким образом, чтобы ниже 20 км/ч они не ходили. Нечего бояться перерасхода моторесурсов. Для страны и армии никакой выгоды нет, когда танк погибает на поле боя, имея 90% в запасе моторесурсов. Он и погибает потому, что механик-водитель не обучен. Лучшие будут, если мы моторесурсы разделим пополам, половину моточасов оставим на повышение квалификации механика-водителя, второй половины моточасов будет достаточно, чтобы танк с честью выполнил свои задачи и остался целым бы... Танкистам привить такой закон, что танк на поле боя, если он не представляет из себя вкопанную огневую точку, стоять не имеет права и не стрелять не имеет права».*

Итоги совещания подвел начальник оперативного отдела полковник Зибертов: *«Первое. Мы, с точки зрения оперативно-тактического искусства, воевали вразрез важнейшим основам военного искусства. Так воевать можно только против слабого противника. Против такого противника, как немцы, надо воевать грамотно, искусно. Военная наука учит – лучшими формами боя являются охват, обход, окружение... Мы в своих операциях, ни в ротном, ни в бригадном, ни в корпусном масштабе не применили лучших форм боя. Мы выдавливали противника, гнали перед собою, когда имели возможность охватывать, окружать его боевые порядки. В результате мы несли большие потери, нанося слабые потери врагу. Мы боялись применить лучшие формы боя, чтобы самим не попасть в окружение...»*

Второе. Мы в нашей операции не применили второго основного принципа в массовом применении танков. Удары наши были «растопыренными пальцами»... Мы плохо изучаем местность, мы хуже врага знаем нашу родную землю...

Третьим нашим недочетом было – плохое взаимодействие танков с пехотой и наоборот, а также танков и пехоты с артиллерией. Обычно у нас не хватало для организации взаимодействия времени. Взаимодействие организовывалось поверхностно. Сигналы не соблюдались, ориентиры не использовались...

Четвертой очень важной причиной наших неудач является плохая разведка. Разведку не умеем организовывать, не умеем вести».

Обидно, что к «осмыслению» столь элементарных вещей пришли только на второй год войны, а не до ее начала. Неужели для того, чтобы оценить важность разведки и взаимодействия всех сил, надо было пятнадцать месяцев копить «боевой опыт»? Под Козельском 3-я танковая армия, получившая от труженников тыла 510 танков, за три недели наступления потеряла 45% личного состава – почти 30 тысяч человек и больше половины боевых машин, выбросила в воздух 235 вагонов боеприпасов и сожгла 1000 тонн горючего, отвоевав у врага «известный участок нашей земли шириною 20 км, глубиною 7 – 8 км».

Положение менялось мучительно медленно либо не менялось совсем, а так и продолжали воевать «вразрез с принципами».

При проведении Сталинградской наступательной операции, пишет Манштейн, «советское командование действовало достаточно энергично. Для достижения своих целей оно бросало в бой части, не обращая внимания на возможные потери. Войска русских всегда храбро сражались и иногда приносили невероятные жертвы (вот уж чего никогда не найдешь в воспоминаниях советских генералов и маршалов – ни признания своих невероятных жертв, ни храбрости противника. – В.Б.)... Советское командование многому научилось с начала войны, особенно в отношении организации и использования крупных танковых соединений. Большое количество танков оно имело и в 1941 году, но тогда оно не могло использовать их самостоятельно и в то же время в единых формированиях. Теперь же оно целесообразно организовало их в танковые корпуса и одновременно приняло немецкую тактику глубокого прорыва. Правда, за исключением ноября 1942 года, нам почти всегда удавалось разбивать или уничтожать эти танковые и механизированные соединения».

О чем это он? К примеру, о легендарном рейде танкового корпуса генерал-майора В.М. Баданова.

Еще в сентябре 1942 года, в период разработки плана по окружению группировки Паулюса, получившего кодовое наименование «Уран», была задумана операция «Сатурн» – прорыв через Каменск-Шахтинский на Ростов силами нового, специально создаваемого для этой цели фронта. Однако в декабре Ставка, встревоженная первоначальным успехом «спасательного отряда» Гота, решила свернуть «Большой Сатурн» до «Малого» и, вместо глубокого удара на юг, основные усилия направить на юго-восток, в сторону Нижнего Астахова с выходом к

Тацинской и Морозовску, в тыл нацеленным на Сталинград деблокирующим группировкам Манштейна.

Операция, проводимая на Среднем Дону войсками Воронежского и Юго-Западного фронтов, началась 16 декабря 1942 года. На следующий день в полосе 1-й гвардейской армии, не дожидаясь окончательного прорыва вражеской обороны общевойсковыми соединениями, с Осетровского плацдарма были введены в дело 18, 17, 24-й и 25-й танковые корпуса – 533 танка, что позволило достигнуть желаемого результата, и 19 декабря корпуса, громя тылы и сея панику, устремились в оперативную глубину. Утром 24 декабря в лучших традициях блицкрига, преодолев за пять дней 240 километров и далеко опередив пехоту, 24-й танковый корпус прорвался к Тацинской, где находились база снабжения и крупный аэродром противника (из 148 танков в строю оставалась 91 машина). Почти параллельно, уступом влево, двигались к Морозовску 25-й танковый и 1-й гвардейский механизированный корпуса. Все три командира действовали независимо друг от друга, получая указания непосредственно из штаба фронта.

Для ликвидации возникшей угрозы Манштейн вынужден был прекратить «спасательную операцию», изъять из армии Гота полнокровную 6-ю танковую дивизию (150 танков и 40 штурмовых орудий) и направить ее форсированным маршем на левый фланг группы армий «Дон», чтобы закрыть брешь севернее Тацинской. Сюда же перебрасывались 11-я танковая дивизия и штаб 48-го танкового корпуса, который должен был объединить все немецкие части под своим командованием.

Советские танкисты в это время учинили на станции грандиозный фейерверк, разгромив эшелоны «с 50 немецкими самолетами и горючим», а на аэродроме «расстреляли и раздавили более 300 самолетов» Люфтваффе. И не сразу заметили, как сами оказались в ловушке. 6-я танковая дивизия, атаковав с севера, восстановила линию фронта по реке Быстрая, отрезав пути отхода советскому корпусу и уничтожив в станице Скопырской его ремонтную базу с неисправными танками. 11-я танковая окружила Тацинскую и 25 декабря приступила к штурму.

Генерал Баданов, зарыв танки в землю, занял круговую оборону и запросил помощи у штаба фронта (в строю осталось 58 боевых машин с половиной боекомплекта), со своей стороны Сталин потребовал выручить танкистов «во что бы то ни стало». Генерал Н.Ф. Ватутин обнадеживал первого и обещал второму, но преодолеть заслон, поставленный генералом Раусом, не смог. Для поддержания морального духа Баданову 26 января присвоили чин генерал-лейтенанта, корпус преобразовали во 2-й гвардейский, а на следующий день удостоили почетного наименования Тацинского. Танкисты героически отбивались вплоть до вечера 27 декабря.

Далее версии расходятся.

«Когда обстановка резко ухудшилась, – сообщают наши сказочники, – иссякли боеприпасы и горючее, Ставка разрешила выход из окружения. Решительным ударом танкисты корпуса прорвали кольцо вражеской обороны, вышли в район Ильинки, соединившись с 25-м танковым и 1-м гвардейским механизированным корпусом (*интересно, почему не наоборот? – В.Б.*)... За десять дней боевых действий они уничтожили свыше 11 тысяч солдат и офицеров противника, 84 танка, 106 орудий, 431 самолет (!) и взяли около 4,8 тысячи пленных». У маршала Г.К. Жукова вообще сплошной хеппи-энд: «Утром 29 декабря корпус, получив приказ Н.Ф. Ватутина, прорвал окружение и благодаря мужеству и умелому руководству боем командира корпуса В.М. Баданова в полном порядке отошел в Ильинку, а через несколько дней уже успешно атаковал Морозовск».

Генерал Баданов первым в стране был награжден орденом Суворова II степени, шутили, огнем и гусеницами уничтожить целый воздушный флот.

Правда, немецкий автор утверждает: «На поле было только 180 машин. Многие из них взлетели под огнем противника, несмотря на туман. И 124 благополучно прибыли на другие аэродромы». Начальник штаба 4-го воздушного флота говорит о наличии на взлетном поле

140 самолетов, из которых 72 были потеряны. В любом случае наши пропагандисты приврали, это ясно. Непонятно, почему продолжают привирать наши «историки», преподнося как заслуживающие полного доверия такие источники, как сводки политотделов и сообщения Совинформбюро. Впрочем, это не так важно. Главным результатом дерзкого рейда Баданова стало то обстоятельство, что аэродром в Тацинской больше не использовался немцами в качестве базы транспортной авиации, обеспечивавшей снабжение окруженной группировки Паулюса.

Ну, и концовка у истории несколько иная.

«Совершенно ровная, покрытая снегом степь представляла собой идеальную местность для действий танков, – вспоминает генерал Меллентин, – и две танковые дивизии отлично выполнили свою задачу. Гвардейский корпус русских, окруженный 11-й танковой дивизией, посылал отчаянные просьбы о помощи, причем большинство из них открытым текстом. Однако все было напрасно. Генерал Балк и его части неплохо потрудились, и все окруженные войска были либо уничтожены, либо захвачены в плен».

«В тяжелом бою морозной ночью советский 24-й танковый корпус был уничтожен, – пишет Пауль Карель. – Части Баданова сопротивлялись отчаянно. Многие сражались до последнего патрона. Горящие в Тацинской силосные башни и зернохранилища освещали ужасающую картину – развороченные танки, искореженные противотанковые орудия, разбитые транспортные колонны снабжения, раненые, обмороженные до смерти люди. К 28 декабря все было кончено. Отдельные советские части прорвались сквозь немецкое кольцо окружения в северной части городка и спаслись, переправившись через реку Быстрая. Корпус Баданова перестал существовать...

Совершенно очевидно, что образцом для советской операции послужил немецкий метод блицкрига крупными танковыми соединениями. На тот момент, однако, эта новая тактика не принесла русским успеха. Немецкие танковые командиры все еще превосходили их в мастерстве».

В общем, и немцы прихвастнули, и у нас все было не так благостно. Покидая Тацинскую, командир корпуса вынужден был бросить всех тяжелораненых и оставить триста смертников для прикрытия отхода. К утру 28 января в район Ильинки из окружения «в полном порядке» вышли 927 человек.

Кстати, почему все-таки не прорвался к Баданову 25-й корпус генерала П.П. Павлова? Оказывается, двигаясь без разведки и без оглядки, при переправе через речку Быстрая он попал в правильно организованную засаду и в ночном бою у Марьевки был разгромлен 6-й танковой дивизией Рауса. Немцы насчитали на поле боя 90 подбитых советских танков. У нас об этом не упоминается, но как-то вдруг выясняется, что «к концу наступления в 25-м танковом корпусе осталось 12 танков».

29 декабря корпуса Баданова и Павлова были переданы «в усиление» 3-й гвардейской армии. Как вспоминает командарм Д.Д. Лелюшенко, в них совокупно насчитывалось всего 50 танков, то есть нехватка составила 230 боевых машин за двенадцать дней. По этому поводу генерал не смог удержаться от «некоторых соображений»:

«Практика показала, что уже в районе Тацинской 25 декабря, когда танки оторвались от пехоты более чем на 100 км, возникла крайняя необходимость объединить под общим управлением 24-й и 25-й танковый корпус. Была попытка свести их в группу Баданова, но эта импровизация ни к чему не привела, так как у Баданова средства управления были рассчитаны лишь на свои 4 бригады и корпусные части, а отнюдь не на 2 корпуса. Не было у него и тыловых органов, подобных армейским. Управление отдельными танковыми и механизированными корпусами издали, из штаба фронта, не давало желаемого успеха, а в ряде случаев приводило к тому, что приказы из штаба фронта не соответствовали реальной обстановке, так как поступали с запозданием, когда обстановка уже изменялась. Танковые корпуса вынуждены были

иногда действовать без должной согласованности между собой и общевойсковыми армиями, и это зачастую не давало ожидаемого эффекта...»

«1943 год, – делает вывод Меллентин, – был для русских бронетанковых войск все еще периодом учебы. Тяжелые поражения, понесенные немецкой армией на Восточном фронте, объяснялись не лучшим тактическим руководством русских, а серьезными стратегическими ошибками германского верховного командования и значительным превосходством противника в численности войск и технике».

Что касается количественного превосходства, то на 1 января 1943 года в Красной Армии имелось в наличии 20 600 танков, в том числе 9600 тяжелых и средних, в сухопутных силах Германии – 5650 танков и 2280 разнообразных штурмовых и противотанковых самоходных орудий. В январе – феврале РККА на всех фронтах каждые сутки теряла убитыми и ранеными более 21 тысячи бойцов и командиров, из них 16 тысяч – на Юге. Безвозвратные потери составляли 34%, и, по самым оптимистическим подсчетам, за одного убитого арийца приходилось платить – «мы за ценой не постоим» – четырьмя жизнями (это уже «достижение», летом 1942 года соотношение потерь было один к восьми).

Советские военачальники многое могли себе позволить, например, «расходовать» по две дивизии и по паре танковых бригад ежедневно. До конца войны в стремлении добиться прорыва обороны они нередко вводили танковые корпуса в бой преждевременно, командиры всех уровней продолжали бросать танки на укрепленные позиции и затыкать ими любые бреши в линии фронта. Главным всегда оставалось во что бы то ни стало выполнить поставленную задачу.

А.И. Радзиевский, обобщая данные по 26 операциям с применением танковых армий, пришел к выводу, что «в годы войны танковые армии вводились в сражение чаще всего в первый день фронтальной операции и на глубине 3 – 10 км, т.е. они совместно с общевойсковыми армиями прорывали или завершали прорыв главной (первой) полосы либо прорывали вторую полосу обороны... Во многих операциях 1943 – 1945 гг. общевойсковые армии ударных группировок фронтов имели свои подвижные группы в составе танковых корпусов, на которые возлагалась задача завершения прорыва тактической зоны обороны. **Танковые же армии имели другое предназначение. Они являлись мощным средством фронта для развития тактического успеха в оперативный путь нанесения сильного, стремительного танкового удара.** Ранний же ввод их в сражение приводил иногда к потере до 30 – 40% танков только за время тактического прорыва (*лишь бы у Конева душа не болела за бездействие такой силы.* – В.Б.), что снижало их боевые возможности при его развитии в оперативный и выполнении своих основных задач в операции. Танковые армии, введенные в сражение для завершения прорыва, имели, как правило, и более низкие темпы последующего наступления в глубине, так как их ударные возможности значительно снижались».

В январе 1943 года Манштейн, по мнению Гитлера, обязан был продолжать мероприятия по спасению 6-й армии, одновременно прикрывать тыл группы армий «А» и защищать ее коммуникации, проходившие через Ростов.

Из подкреплений фельдмаршалу отдали только 7-ю танковую дивизию.

Фигурально выражаясь: «Mission impossible».

Но Манштейн сотворил стратегическое чудо. Тем более невероятное, что сражаться ему пришлось не только с Ватутиным и Еременко, но и с фюрером германской нации, не желавшим уступать ни пяди советской земли. Для Манштейна как полководца было понятно, что, имея перед собой многократно превосходящего противника, спасти положение можно только путем ведения хорошо скоординированных маневренных действий, не боясь ослаблять второстепенные участки фронта или даже оставлять ранее захваченные территории. Гитлер, впрочем, как и Сталин, в первую очередь думал о политических последствиях и личном престиже. Он не

мог добровольно, хотя бы и на время, «отказаться от того, чем он однажды владел», и считал, что залог успеха заключается в упорном сопротивлении любой ценой:

«В связи со сказанным следует упомянуть о другом свойстве характера Гитлера, против которого вели безуспешную борьбу как начальник его Генерального штаба, генерал Цейтцлер, так и я в бытность мою командующим группой армий. Гитлер любил как можно дольше оттягивать всякое решение, которое ему было неприятно, но без которого он все же не мог обойтись... Начальник Генерального штаба вынужден был целыми днями вести борьбу с Гитлером, когда речь шла о том, чтобы высвободить силы с менее угрожаемых в данный момент участков фронта для тех районов, где создавалась критическая обстановка. Обычно он давал слишком мало сил и слишком поздно, так что в последующем ему приходилось давать их в несколько раз больше, чем это потребовалось бы для восстановления положения в том случае, если бы он немедленно предоставил затребованное в начале количество сил. Но нужны были недели борьбы, чтобы добиться от него решения об оставлении позиции, которую практически невозможно было удержать. Видимо, Гитлер все время верил, что события будут развиваться все-таки по его желанию и что он может избежать принятия решений, которые были неприятны ему, ибо означали признание того факта, что ему пришлось считаться с волей противника...

Упорная оборона каждой пяди земли постепенно стала единственным принципом его руководства. Понятию военного искусства он противопоставил в конце концов понятие грубой власти, власти, наибольшая сила воздействия которой гарантируется, по мысли Гитлера, силой воли, на которую опирается эта власть».

Справедливости ради надо сказать, что Манштейн в своем сочинении часто рассуждает именно как «человек искусства», рассматривающий любую территорию исключительно как своеобразный полигон для проведения военных игр без учета политических, экономических и человеческого факторов. Ни один политический руководитель не согласится без сопротивления оставить неприятелю целые районы страны, тем более экономически развитые и густонаселенные, на основании оперативных изысканий пусть даже самых талантливых генералов, логично рассуждающих о тонкостях военного искусства, но не несущих перед нацией бремени ответственности за принятые решения.

Недаром Жорж Клемансо считал, что «война слишком серьезное дело, чтобы доверять его военным».

Оставление территорий врагу вносит в умы «электората» смятение и сомнения в дееспособности политического лидера.

Такую стратегию – оставлять территории, отравлять колодцы, беспрерывно изнурять противника внезапными налетами – безболезненно могли себе позволить степные кочевники вроде массагетов, скифов или половцев.

Такую стратегию, владея бескрайними по масштабам начала XIX века пространствами, смог принять российский император Александр I в 1812 году. Тем не менее, несмотря на то что военный министр Барклай де Толли еще до начала войны советовал, отказавшись от генеральной битвы на границе, оставить западные провинции и даже «завлечь неприятеля в недра отечества нашего», отступление русских войск было мерой вынужденной, продиктованной трехкратным численным превосходством «Великой армии» Наполеона, а до того русские генералы собирались действовать сугубо наступательно. Решение «вести войну оборонительную» было единственно верным, но оно потрясло русское общество, внесло раскол в генералитет, породило недовольство в армии и всеобщую неприязнь к полководцу, претворявшему эту стратегию в жизнь.

«Стыдно носить мундир, ей-богу... Что за дурак... Министр Барклай бежит, а мне приказывает всю Россию защищать. Пригнали нас на границу, растыкали, как шашки, стояли, рот разинув, загадили всю границу и побежали», – возмущался командующий 2-й Западной армией князь Багратион.

«Как? В пять дней от начала войны потерять Вильно, предаться бегству, оставить столько городов и земель в добычу неприятелю и при всем том хвастать началом кампании! Да чего же недостает еще неприятелю? Разве только того, чтобы без всякой препоны приблизиться к обеим столицам нашим? Боже милостивый! Горючие слезы смывают слова мои!» – писал государственный секретарь Шишков.

Владимира Богдановича с поста главнокомандующего сняли, но и М.И. Кутузов, на словах декларируя приверженность самым решительным действиям, на деле продолжал придерживаться барклаевской стратегии: избегать генеральных сражений, сохранять армию, выигрывать время, заставить противника «ценой крови приобретать каждый шаг, каждое средство к подкреплению и даже к существованию своему и, наконец, истощив его силы, с меньшим, сколько можно, пролитием крови, нанести ему удар решительный». Будь его воля, фельдмаршал и заведомо проигрышный Бородинский бой, в котором сгорела половина русской армии, не стал бы давать. Но у ворот древней столицы Бородина было не избежать из соображений морально-политических (так же как подвиг и гибель трехсот спартанцев были в первую очередь пропагандистской, а не военной акцией). А уж отдать приказ на оставление Москвы, вопреки мнению всего своего штаба, мог только М.И. Кутузов – обладавший прочным авторитетом, пользующийся всеобщим признанием, имевший огромные полномочия и хитроумный, как египетская лягушка (смог бы, пожалуй, и Барклай, но, вероятнее всего, его бы устранили от командования). Даже самодержец российский, всерьез опасавшийся, что его вот-вот придушат шарфиком, как папу, не санкционировал бы такое решение, если бы присутствовал на историческом совещании в Филях.

Человеческий фактор стал причиной провала осенью 1914 года математически выверенного плана молниеносного разгрома Франции, составленного начальником германского Генерального штаба Альфредом фон Шлиффеном. Идея состояла в том, чтобы, сосредоточив максимум сил на севере, нанести удар через территорию нейтральных Бельгии и Люксембурга и в ходе глубокого стратегического охвата вторгнуться в самое сердце Франции. При этом в центре фронта надлежало держать прочную оборону, а на юге, где легко прогнозировалось наступление противника в Эльзасе и Лотарингии, – иметь минимум войск и с боями отступать, заманивая французов к Рейну. Все было продумано, взвешено и исчислено: через шесть недель правофланговые германские армии, не имея перед собой никаких оборонительных линий, неудержимым «паровым катком», независимо от запаздывающих маневров противника, выкатывались к портам Ла-Манша и обходили беззащитный Париж с запада, в то время как правое крыло французов – две армии из пяти увлекались на восток и уже не успевали вернуться. Затем следовал разгром юго-восточнее столицы, и война на Западе заканчивалась еще до того, как союзник Франции, Россия, успевал завершить стратегическое развертывание. Впрочем, при неблагоприятном стечении обстоятельств ради главного выигрыша Шлиффен был готов пожертвовать и Восточной Пруссией. А вот его преемник Гельмут Мольтке-младший и другие высокопоставленные исполнители, не вникшие в суть гениального замысла, – нет.

Для начала осторожный Мольтке усилил свой левый фланг в Лотарингии, естественно, за счет ослабления ударного правого. Теперь на главном направлении у немцев имелось не семикратное, а всего лишь трехкратное превосходство. Затем в ходе Приграничного сражения высокородные командармы, плевать хотевшие на сухие стратегические выкладки, бросились за военной славой и одержали ряд тактических побед, блестящих и никому, кроме их самих, не нужных. В Лотарингии принц Руперт Баварский отступать не захотел, натурально разбил врага и двинулся вслед за ним штурмовать французские укрепленные линии. В центре кронпринц Вильгельм и герцог Альберт Вюртембергский блестяще отбили атаку противника в Арденнах и, словно медведь на рожон, поперли на запад, к фортам Вердена и реке Маас. На севере, увлекшись преследованием, немецкие генералы постепенно изменили общее направление движения главных сил и вместо обхода Парижа вышли к нему с востока. Наконец, под

впечатлением «досрочного» и успешно начавшегося русского наступления была предпринята бессмысленная переброска двух корпусов и одной кавалерийской дивизии в Восточную Пруссию. Корпусов, снова изъятых из состава правофланговых армий.

Всё.

Германия везде удержала собственные территории и проиграла Первую мировую войну.

Ослабленной ударной группировке обойти Париж не удалось, французы успели перебросить войска с юга на север, «блицкриг» закончился битвой на Марне, а Германская империя ввязалась в четырехлетнюю бойню на два фронта без шансов на победу.

Или можно вспомнить, как взбеленился товарищ Сталин, когда ему предложили сдать Киев. Потом уже Жилин и Самсонов, корифеи советской военно-исторической науки, докажут, что Иосиф Виссарионович, в соответствии с собственным «сталинским учением о контрнаступлении», специально заманил гитлеровцев к Москве и Сталинграду. А тогда нежелание поступиться территорией и промедление с принятием решения обернулось катастрофой.

Теперь самому Гитлеру предлагалось оставлять территории. Правда, чужие, но он-то уже считал их своими – воплотившейся мечтой о «жизненном пространстве» для арийской расы. Фюрер прикипел душой к угольным шахтам Донбасса, нефтяным вышкам Майкопа, к никопольским никелевым разработкам, к нивам Кубани и украинскому чернозему.

В общем, господин фельдмаршал фон Манштейн получил приказ: «Стоять насмерть!» В частности, до последнего солдата удерживать базовые аэродромы Морозовск и Тагинская, через которые пролегал воздушный мост в Сталинград.

Однако, поскольку на все просьбы штаба группы армий «Дон» передать из группы Клейста хотя бы три дивизии для усиления Гота из ставки следовал неизменный отказ, на армии Паулюса Манштейн безоговорочно поставил крест. Теперь он надеялся только на то, чтобы «Сталинградская крепость» устояла сколь можно дольше, сковывая как можно большие силы русских. Дальнейший план зимней кампании виделся следующим образом: во-первых, используя немецкое преимущество в умении маневрировать и управлять войсками, создавая ударные группы и нанося контрудары, если надо, сдавая менее важные позиции, любыми средствами удержать Ростов и обеспечить отход 1-й танковой армии; во-вторых, произвести рокировку сил со своего правого фланга на левый; в-третьих, организовать мощный контрудар, который позволит вернуть все утраченные территории до наступления весенней распутицы. И самое главное, «бороться за необходимые решения», доказывая Гитлеру, что альтернативы этому плану нет.

А пока следовало держаться. На эвакуацию 1-й танковой армии с Северного Кавказа – вывоз запасов имущества, тяжелой техники, госпиталей – группе армий «А», согласно докладу Клейста, требовалось 155 железнодорожных эшелонов и 25 дней. Но: «Если Гитлер думал, что при данном соотношении сил и большой ширине обороняемой полосы он может приказывать армии удерживать какие-то рубежи и запрещать отходить без его согласия, то он глубоко ошибался. Попытка в данной обстановке заставить армию решать свою задачу, привязав ее к определенному рубежу, была бы равноценна задержке противника препятствием из паутины».

Уже 5 января Манштейн сдал Морозовск, а штаб ОКВ поставил перед выбором: либо я на месте принимаю решения, соответствующие обстановке, либо «я не вижу никакого смысла в моем дальнейшем использовании в качестве командующего».

Манштейн просто не имел физической возможности одновременно спасти Паулюса, «прикрывать спину» Клейсту и удерживать все пункты фронта, уж тем более – «остановить атаки противника и вернуть ранее занятые нами позиции». Резервы отсутствовали. На передовую были брошены зенитные части, боевые группы, собранные из тыловиков, отпускников и команд выздоравливающих.

Поэтому группа «Холлидт» медленно пятилась к Северскому Донцу, имея задачу максимально замедлить продвижение противника, не дать ему прорваться к переправам у Белой Калитвы, Каменска-Шахтинского и Ворошиловграда, запирая, таким образом, подступы к Ростову с севера.

На этом направлении, стремясь отрезать немцев от переправ, рвалась к Северскому Донцу «суперударная» 3-я гвардейская армия ЮЗФ под командованием генерал-лейтенанта Д.Д. Лелюшенко (14, 61, 50-я гвардейские, 266, 278, 203, 197-я стрелковые, 7-я артиллерийская дивизии, 22-я мотострелковая, 90-я и 94-я стрелковые бригады, три отдельных танковых полка, 1-й гвардейский механизированный, 2-й гвардейский и 25-й танковые корпуса). Параллельно ей продвигалась 5-я танковая армия генерал-лейтенанта М.М. Попова (1-й и 22-й танковые корпуса, 40-я гвардейская, 346, 119-я стрелковые дивизии). Причем в освобождении Морозовска участвовали соединения обеих армий. В первой декаде января генерал Лелюшенко получил два свежих танковых корпуса – 2-й генерал-майора А.Ф. Попова и 23-й генерал-майора Е.Г. Пушкина – и бросил их в атаку на Каменск. Танковая армия Попова развивала наступление на Тацинскую. И хотя расстояние не превышало 45 километров, путь к ней занял десять суток. Что касается Каменска, который обороняла группа Фреттер-Пико, переданная в состав группы армий «Дон», то и через месяц город оставался в руках противника. Немецкая пехота держалась стойко, а генерал Холлидт гибко маневрировал тремя своими танковыми дивизиями, своевременно перебрасывая их в кризисные точки и нанося короткие, но чувствительные контрудары, – уже к концу января, сообщает генерал Г.И. Хетагуров, в четырех танковых корпусах, действовавших в составе 3-й гвардейской армии, в строю «осталось по десятку танков».

Вдоль северного берега Дона, на стыке двух немецких армейских группировок, продвигалась нацеленная на Шахты 5-я ударная армия генерал-лейтенанта В.Д. Цветаева (300, 87, 315-я стрелковые дивизии).

В треугольнике рек Дон, Куберле, Маныч четырьмя дивизиями отбивала советские атаки изрядно потрепанная и ослабленная 4-я танковая армия. Даже командовавший Южным фронтом генерал Еременко подтверждает, что «57-й танковый корпус понес большие потери, особенно пострадали 23-я и 17-я танковые дивизии; 16-я моторизованная дивизия также была сильно потрепана», а существовавшие скорее на бумаге, чем на деле румынские части «были настолько подавлены и физически и морально, что не могли оказать сколько-нибудь серьезного противодействия советским войскам». Полностью сохранила свои силы лишь переброшенная с Кавказа дивизия СС «Викинг».

Генералу Готу предстояло решить двоякую задачу: не допустить прорыва советских войск к Ростову вдоль нижнего течения Дона на своем левом фланге, на правом – обеспечить коммуникации 1-й танковой армии. Генерал Еременко, имея южнее Дона 15 дивизий, 10 бригад и десятикратное превосходство в танках, был полон оптимизма и намеревался в кратчайшие сроки «подлеца Гота» окружить и изничтожить.

На первом этапе операции 2-я гвардейская армия под командованием генерал-лейтенанта Р.Я. Малиновского (1-й и 13-й гвардейские стрелковые корпуса, 387, 88, 98-я стрелковые дивизии), развивавшая наступление с востока на запад, была нацелена на захват станиц Цимлянская и Константиновская, с последующим поворотом на юг. На остриях двух ударных группировок армии находились 2-й гвардейский механизированный корпус генерала К.В. Свиридова и 3-й гвардейский танковый корпус генерала П.А. Ротмистрова.

Будущий главный маршал бронетанковых войск Ротмистров П.А. (1901 – 1982) до революции успел закончить начальную школу села Скворцово, или, как изящно выразились авторы официальной биографии, – «высшее начальное (?) училище в своем селе (??)». В апреле 1919 года добровольцем вступил в Красную Армию, «чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать»,

впрочем, на фронтах Гражданской войны Паша провоевал дней двадцать – однажды участвовал в ликвидации «кулацкого восстания» в Поволжье (но, видимо, сумел отличиться и восемнадцати лет был принят в партию большевиков), а в марте 1921 года давил Кронштадтский мятеж (снова проявил героизм и был награжден орденом Боевого Красного Знамени, который называл самой дорогой своей наградой). Военное образование получал на курсах красных командиров, в Объединенной школе имени ВЦИК и Академии имени М.В. Фрунзе. К 1937 году, пройдя все положенные ступени службы, Павел Алексеевич дослужился до командира стрелкового полка, вполне был доволен жизнью и перспективами роста. Однако внезапно его вызвали с Дальнего Востока в Москву и назначили на должность преподавателя тактики в Военной академии механизации и моторизации РККА, хотя он и не знал тогда, как устроен танк, но на маневрах все-таки их видел. За три последующих года полковник Ротмистров стал большим танковым теоретиком, защитил кандидатскую диссертацию, а для получения практического опыта съездил в командировку на войну с «белофиннами».

22 июня 1941 года он встретил в Литве на должности начальника штаба 3-го механизированного корпуса, который, имея на вооружении 672 танка, в три дня был полностью разгромлен 4-й танковой группой генерала Хепнера. Выбравшись из окружения, Ротмистров в сентябре получил под свое начало 8-ю танковую бригаду. За мужество и стойкость, проявленные в битве за Москву, бригада была преобразована в 3-ю гвардейскую. В апреле 1942 года Павел Алексеевич был назначен командиром 7-го танкового корпуса и вскоре получил первые генеральские звездочки, попав в обойму «мастеров вождения танковых войск». С июля его корпус участвовал в Воронежско-Ворошиловградской и Сталинградской оборонительных операциях, за два месяца боев потерял два комплекта боевых машин и, не достигнув особых боевых успехов, был выведен в тыл. Это был как раз тот период, о котором немецкий генерал писал: «Плотными массами танки сосредоточивались перед фронтом немецкой обороны, в их движении чувствовались неуверенность и отсутствие всякого плана. Они мешали друг другу, наталкивались на наши противотанковые орудия, а в случае прорыва наших позиций прекращали движение и останавливались, вместо того чтобы развить успех... Нам казалось, что русские создали инструмент, которым никогда не научатся владеть».

Тогда многие военачальники выпали из «обоймы», потеряв высокие должности, а главное, сталинское доверие, но Ротмистрову, успевшему приобрести покровителей в лице А.М. Василевского и Я.Н. Федоренко, дали еще один шанс, и он его не упустил. С 24 по 30 декабря 1942 года войсками Сталинградского фронта проводилась наступательная операция по ликвидации группировки Гота, уже наблюдавшей перед собой «заревое над Сталинградом». Против 57-го германского танкового корпуса, наряду со стрелковыми и кавалерийскими соединениями трех советских армий, были брошены два танковых и три механизированных корпуса. Главный удар наносился по поселку Котельниково, в освобождении которого основную роль сыграли 7-й танковый и 6-й механизированный корпуса.

29 декабря 7-й танковый корпус был удостоен гвардейского звания и стал именоваться 3-м гвардейским; ему также присвоили почетное наименование Котельниковский. Ротмистров стал генерал-лейтенантом и кавалером ордена Суворова II степени за № 2. (По советским меркам, Павел Алексеевич был грамотным, уже достаточно опытным военачальником, но, как и большинство советских генералов, весьма равнодушным к женщинам и выпивке, склонным к очковтирательству, дутой «отчетности» и саморекламе. Вот как оценивал он пройденный путь в письме секретарю ЦК ВКП(б) Г.М. Маленкову: «Итак, прокомандовав бригадой несколько месяцев, мне удалось выиграть у немцев несколько хороших боев, за что бригада была переименована в гвардейскую бригаду. Затем, развернув бригаду, командуя корпусом, я опять достиг значительных успехов и, во всяком случае, ни разу не был разбит немцами, наоборот, на Брянском фронте основательно растрепал их 9-ю и 11-ю танковые дивизии. Единственно, где я имел неудачи, это на Сталинградском фронте в сентябре месяце. В последую-

щем на том же Сталинградском фронте в декабре месяце я как командир корпуса получил полное удовлетворение всех своих желаний в смысле смелого применения танковых войск и их результатов». Или строчка из другого его сочинения: «Мои прославленные части»; уместно выглядело бы, если бы обращался к своим войскам, но это он Сталину жалобу пишет.)

После трехдневного отдыха, ремонта поврежденных боевых машин и праздничной встречи Нового 1943 года соединения корпуса – 3-я гвардейская тяжелая, 18-я, 19-я гвардейские танковые и 2-я гвардейская мотострелковая бригады – в «приподнятом настроении» выступили из Котельниково и, не встречая сопротивления, на предельной скорости двинулись к Дону.

На левом крыле Южного фронта войска 51-й армии генерал-майора Н.И. Труфанова (302, 87, 126, 91-я стрелковые дивизии, 36-я танковая бригада) во взаимодействии с 28-й армией генерал-лейтенанта Г.Ф. Герасименко (34-я гвардейская, 248-я стрелковая дивизии, 152, 98, 99, 79, 52, 156-я стрелковые, 6-я гвардейская танковая, 152-я механизированная бригада), продвигаясь по обоим берегам Маныча, должны были захлопнуть ловушку. Но довольно скоро генерал Еременко убедился, что «здесь ему не румыны», что «против такого противника, как немцы, надо воевать грамотно».

Хотя начало обнадеживало.

3 января бригады 2-го гвардейского механизированного корпуса овладели Цимлянской, угрожая тылам группы «Холлидт». Ее командующий вынужден был начать отвод своего правого фланга к реке Кагальник. К 6 января танковый корпус Ротмистрова передовым отрядом ворвался в станицу Семикаракорскую, захватил плацдарм на северном берегу Дона, а главными силами завязал бой за станицу Константиновскую. Еще через сутки, после пятидневного кровопролитного сражения, войска 51-й армии заняли опорный пункт и железнодорожную станцию Зимовники. Выбивший «викингов» 6-й механизированный корпус генерал-майора С.И. Богданова стал именоваться 5-м гвардейским Зимовниковским. Правда, и сам корпус был выбит почти целиком. Не беда, во втором эшелоне находились 4-й и 3-й гвардейские мехкорпуса. 28-я армия подвижными соединениями вышла к Степному. Отдельные советские отряды появились в 20 километрах от Новочеркасска, где размещался штаб группы армий «Дон». Манштейну со всей канцелярией пришлось перебраться в Таганрог.

5 января войска Южного фронта получили уточненные задачи. 5-я ударная армия и группа генерала Крейзера из состава 2-й гвардейской к исходу 7 января должны были выйти на Северский Донец и приступить к его форсированию, 3-й гвардейский танковый корпус с двумя стрелковыми дивизиями – овладеть переправами у Багаевской на Дону и у хутора Веселый на Маныче. К этому же сроку 51-я армия и 3-й гвардейский механизированный корпус ударом с запада должны были овладеть Пролетарской и Буденновской.

Однако противник сопротивлялся яростно, умело и никак не желал окружаться. 9 января генерал Холлидт, перебросив на свой правый фланг «пожарную» 11-ю танковую дивизию, нанес контрудар по армии генерала Цветаева и группе Крейзера, потеснив ее и заставив перейти к обороне. Для отражения этой атаки генералу Еременко пришлось даже просить помощи у соседей – 5-й танковой армии. Последующие пять дней правое крыло Южного фронта «вело бои на прежних рубежах». Центр и левое крыло, продвигаясь с боями по 2 – 3 километра в сутки, 14 – 15 января освободили станицы Батлаевская, Атамановская, Орловская. Наконец, к 17 января войска фронта вышли на восточный берег реки Северский Донец и северный берег реки и канала Маныч, где снова «встретили организованное сопротивление противника». 57-й танковый корпус Кирхнера продолжал удерживать плацдарм восточнее Пролетарской. Здесь принял свой первый бой 503-й тяжелый танковый батальон, имевший в своем составе 22 «тигра» и 23 танка Pz. III.

Советское наступление окончательно застопорилось. В войсках, удалившихся от своих баз, наступил острый кризис в снабжении боеприпасами и горючим.

«Начальник штаба корпуса полковник В.Н. Баскаков по моему указанию то и дело докладывал штабу 2-й гвардейской армии о нашем бедственном положении со снабжением. Но толку от этого не было, – вспоминает П.А. Ротмистров. – Наконец на мой КП приехали командующий фронтом генерал-полковник А.И. Еременко, член Военного совета фронта Н.С. Хрущев и командующий 2-й гвардейской армией генерал-лейтенант Р.Я. Малиновский.

Я доложил им, что сопротивление противника возрастает, а корпус находится на голодном пайке по всем видам снабжения.

А.И. Еременко, крайне расстроенный, опираясь на трость (у него разболелись старые раны), взволнованно ходил по комнате и раздраженно говорил:

– У меня ничего нет, а задачу следует выполнять! Надо взять Ростов – там у немцев всего полно.

– Ну и как же мы будем...

– Слушай, – перебил меня А.И. Еременко. – Ты возглавишь механизированную группу. Я передаю в твоё подчинение второй и пятый гвардейские механизированные корпуса. Объединяйте свои танки, сливайте горючее из подбитых и вышедших из строя машин. Делайте все, что хотите, но овладейте Батайском и Ростовом. Больше того, я подброшу тебе аэросанные батальоны. Они нагонят немцам страху...

Я впервые услышал об аэросанных батальонах и в недоумении спросил:

– А что это такое?

– Фанерные ящики с пропеллером на лыжах, – иронически усмехнулся Р.Я. Малиновский.

Потом, когда мне довелось увидеть эту диковинку, я не мог не поразиться нелепости затеи ее создателей. В аэросанях был установлен пулемет и сидело несколько автоматчиков».

Итак, для решительного броска к Ростову командование Южного фронта решило сформировать две механизированные группы.

Первая – в полосе 2-й гвардейской армии – состояла из 3-го гвардейского танкового корпуса генерала Ротмистрова, 2-го и 5-го гвардейских механизированных корпусов и 88-й стрелковой дивизии. 51-й армии Труфанова придавались 3-й и 4-й гвардейские механизированные корпуса, нацеленные на Азов.

19 января механизированная группа Ротмистрова перешла в наступление, которое поначалу развивалось успешно. Бригады гвардейского танкового корпуса переправились через реку Маныч в районе впадения ее в Дон, освободили станицу Манычская, захватили важный плацдарм, а передовой отряд под командованием полковника А.В. Егорова в составе восьми танков Т-34, трех танков Т-70, пяти бронемашин, девяти бронетранспортеров и 200 автоматчиков к рассвету 20 января прорвался на подступы к Батайску, перерезав железную дорогу южнее города. За Егоровым должны были последовать главные силы механизированной группы. Однако закрепить успех передового отряда не удалось.

Батайск «оказался сильно укрепленным» в противотанковом и прочих отношениях, немцы, контратаковав «крупными силами», вынудили отряд Егорова, потерявший семь танков, занять круговую оборону в районе совхоза имени Ленина и поселка имени ОГПУ. Главные силы группы Ротмистрова были внезапно атакованы в левый фланг подоспевшим с юга батальоном 16-й мотодивизии и связаны боем на рубеже Манычская – Самодуровка. При этом немцы захватили штаб 2-й мотострелковой бригады и взяли в плен его начальника. За этот бой, давший Манштейну сутки на переброску дополнительных сил в район кризиса, командир батальона лейтенант Клапих был награжден Дубовыми листьями к Рыцарскому кресту.

На левом фланге войска 51-й армии штурмом взяли Пролетарскую и форсировали Маныч, а передовые части 28-й армии соединились с 30-й дивизией 5-го кавалерийского кор-

пуга Закавказского фронта. К 22 января войсками Южного фронта был освобожден Сальск. В этот же день 11-я танковая дивизия Балка переправилась через Дон у Ростова. Вдоль южного берега Маныча поднялись к устью части 16-й мотодивизии графа Шверина со 116-м танковым батальоном и ротой «тигров».

Генерал Ротмистров, опасаясь полного уничтожения своего авангарда, приказал Егорову прорываться обратно, доложив наверх, что танкисты ввиду больших потерь не могут вести активные боевые действия в одиночку. Командующий фронтом не согласился с таким решением и велел снова занять оставленные позиции.

Да и как бы Еременко согласился, если директива Ставки именно на него возлагала особую ответственность за окружение противника на Северном Кавказе.

«Захват Батайска нашими войсками, – говорилось в директиве, – имеет большое историческое значение. С взятием Батайска мы закупорим армии противника на Северном Кавказе, не дадим выхода в район Ростова, Таганрога, Донбасса 24 немецким и румынским дивизиям.

Враг на Северном Кавказе должен быть окружен и уничтожен, так же как он окружен и уничтожается под Сталинградом.

Войскам Южного фронта необходимо отрезать 24 дивизии противника на Северном Кавказе от Ростова, а войска Черноморской группы Закавказского фронта в свою очередь закроют выходы этим дивизиям противника на Таманский полуостров.

Главная роль принадлежит здесь Южному фронту, который должен совместно с Северной группой Закавказского фронта окружить и пленить или истребить войска противника на Северном Кавказе».

В 6 утра 23 января генерал А.И. Еременко отдал приказ 2-й гвардейской армии «срочно занять группой Ротмистрова оставленные ею накануне населенные пункты имени Ленина и имени ОГПУ, перерезать южнее Батайска железную дорогу и подготовиться для занятия Батайска». В наступлении должен был принять участие 13-й гвардейский стрелковый, 55-й танковый полк и аэросанные батальоны.

23 января 11-я танковая дивизия во взаимодействии с 16-й моторизованной нанесла удар по готовившимся к наступлению советским частям и отбросила их назад на плацдарм у Манычской. К великому разочарованию Еременко, аэросаны никакого впечатления на немцев не произвели, что любому здравомыслящему человеку, тому же Малиновскому, было ясно заранее. Это экзотическое транспортное средство изначально предназначалось для несения дозорной, разведывательной, связной службы, но никак не для того, чтобы ходить в атаки. Военная энциклопедия еще в 1933 году сообщала: «К отрицательным качествам аэросаней относятся большой расход горючего, малая грузоподъемность, ограниченная проходимость и сильный шум мотора. В силу этих качеств рассчитывать на широкое применение их в военном деле не приходится».

Однако в СССР любую теорию всегда проверяли на практике, потому с началом войны построили сотни транспортно-десантных (НКЛ-16) и боевых аэросаней, вооруженных одним танковым пулеметом ДТ на турели (НКЛ-26 и РФ-8), и свели их в отдельные батальоны по 30 машин. Транспортно-десантные аэросанные батальоны привлекали для перевозки лыжно-десантных частей, для подвоза действующим войскам боеприпасов, продовольствия, горюче-смазочных материалов, а также для эвакуации раненых с поля боя, для патрульной службы и службы связи в тылу своих войск. Кроме того, они могли буксировать и перевозить на огневые позиции пулеметы, минометы и 45-мм противотанковые орудия. Боевые батальоны действовали совместно с общевойсковыми частями, главным образом с лыжниками. В круг их задач входила разведка местности и противника, боевое охранение открытых флангов, патрульная служба по охране побережья озер и участков, не занятых советскими войсками, охрана командных пунктов и обеспечение связи. Во взаимодействии с лыжниками аэросанные отряды привлекались для преследования отступающего противника.

Естественно, использовать «снежные тачанки» можно было только зимой, на открытой малопересеченной местности, при достаточно глубоком снежном покрове, или на льду озер и рек. Летом они превращались в обузу для технических служб фронта, создавая проблемы с их хранением и транспортировкой.

«Идея создания этих батальонов, – сообщает Еременко, – была связана с представлением о большой подвижности и маневренности этих саней при наличии легкого вооружения (пулемет и автоматы). Предполагалось, что применение аэросаней для боевых действий в зимних условиях даст большой эффект, особенно в моральном отношении».

На самом деле оказалось, что «ящики с пропеллером» являются легкой добычей для вражеской авиации, чрезвычайно уязвимы для любого вида огня, постоянно ломаются, их проходимость совершенно недостаточна даже в зимних условиях, а также подтвердилось, что сильным шумом мотора «нагнать страху» можно только на самого Еременко, а на немцев – нереально. Чудо-оружие не сработало: «На поверку оказалось, что аэросани не могли удовлетворить требованиям, предъявляемым к боевым машинам. Они были уязвимы для вражеского огня и ненадежны даже как средство передвижения, так как были весьма капризными и чувствительными к переменам погоды. Аэросанные батальоны, будучи плохо управляемыми подразделениями, не имели ни надежной подвижности, ни маневренности, а значит, и боеспособности. Таким образом, создание аэросанных батальонов, к сожалению, оказалось пустой затеей, вызвавшей лишнюю затрату средств».

Отметим, что аэросани все-таки иногда себя оправдывали, будучи применены в должном месте должным образом, например, их использовали на Ладожском озере для транспортировки грузов по Дороге жизни и охраны ледовой трассы, внезапных рейдов в тыл противника. Но зачем же микроскопом гвозди забивать?

24 января немцы атаковали станицу Манычскую, но неудачно. На следующий день генерал Балк, введя советское командование в заблуждение имитацией ложной атаки, выбил русские бригады с плацдарма и отбросил их за Маныч. 26 января Ротмистров в боевом донесении на имя командующего 2-й гвардейской армией сообщил, что в 5-м гвардейском механизированном корпусе осталось 7 танков и 7 противотанковых орудий, погибли либо получили ранения все командиры бригад, число «активных штыков» сократилось до 2200 человек. 2-й гвардейский мехкорпус имел на ходу 8 танков, 3-й танковый – 14 танков. Вывод: части механизированной группы, столкнувшиеся с превосходящими силами противника и понесшие большие потери, к активным боевым действиям более неспособны.

Интересно, что немецкая 11-я танковая дивизия, почти два месяца не выходившая из боев, нанесла поражение на реке Чир советским 1-му танковому и 3-му механизированному корпусам, разбила в Тацинской 24-й танковый корпус, изрядно потрепала на северном берегу Дона 2-й гвардейский механизированный корпус, заставила бежать с манычского плацдарма соединения 3-го гвардейского танкового корпуса и осталась вполне боеспособной и даже с «превосходящей силами».

«В течение нескольких недель дивизия каждую ночь совершала марши, – пишет генерал Балк, – перед рассветом всегда оказываясь в наиболее уязвимом для противника месте и нанося удар за час до наступления русских. Эта тактика требовала от войск невероятного напряжения, но зато у нас было мало потерь, потому что мы всегда достигали полной внезапности. В дивизии считалось аксиомой, что «ночные марши сохраняют жизнь», но справедливость требует отметить, что никто в то время не мог бы вам толком сказать, когда же спали наши солдаты... В бою командир дивизии находился в передовых подразделениях, действующих на направлении главного удара; в полках он бывал по несколько раз в день. Штаб дивизии размещался недалеко в тылу и не менял своего расположения в ходе боевых действий. Здесь собирались и обрабатывались все полученные данные, отсюда руководили снабжением частей и направля-

лись подкрепления. Связь между командиром дивизии и его штабом поддерживалась по радио и только в редких случаях по телефону... Ведение боевых действий на реке Чир облегчалось тем, что командование 5-й танковой армии русских бросало в бой корпуса, не согласовав по времени их действий и не организовав взаимодействие между многочисленными стрелковыми дивизиями. Таким образом, 11-я танковая дивизия имела возможность наносить удары поочередно то по одному, то по другому корпусу. В конце концов наступательная сила 5-й танковой армии была ослаблена до такой степени, что 11-я дивизия смогла совершить отход и начать подобные же действия против другой русской танковой армии».

Несомненно, немецкие танковые командиры действовали более эффективно, чем советские, а конкретно генерала Балка западный историк величает «полководцем калибра Ромеля».

Все дальнейшие усилия Южного фронта по овладению Ростовом и Батайском и перехвату путей отхода северокавказской группировки немцев на восток к желаемому результату не привели.

Манштейн, маневрируя и нанося ответные удары, все-таки устоял. Армии Еременко в январе продвинулись на 150 – 200 километров, но так и не смогли закупорить ростовскую «горловину».

Так же как Северной группе Закавказского фронта не удалось «сковать» и «прижать» 1-ю танковую армию Макензена.

НА КАВКАЗЕ

Здесь, согласно штабной задумке, Северная группа генерала Масленникова наносила главный удар на своем правом фланге силами 44-й армии генерал-майора В.А. Хоменко (271, 347, 51, 416, 414, 320, 409, 223-я дивизии, 43, 356, 157-я стрелковые бригады) и 58-й армии генерал-лейтенанта К.С. Мельника (417, 337, 89, 317-я стрелковые дивизии, 155, 60, 9-я стрелковые бригады) в направлении на Моздок. Одновременно 4-й Кубанский и 5-й Донской гвардейские кавалерийские корпуса, наступая еще правее на Прохладный и Воронцово-Александровское, должны были выйти на неприятельские тылы и захватить переправы через реку Кума. 9-й армии генерал-майора К.А. Коротеева (11-й стрелковый корпус, 276, 389-я дивизии, 8, 9, 10-я гвардейские стрелковые бригады) и 37-й армии генерал-майора П.М. Козлова (2-я гвардейская, 295, 351-я стрелковые дивизии) ставилась задача освободить Нальчик. После уничтожения моздокской группировки должно было последовать всеобщее наступление с целью недопущения отхода врага на новый оборонительный рубеж и окончательного разгрома 1-й танковой армии, в которой, напомним, насчитывалось две танковые и четыре пехотные дивизии.

Немцы не стали ждать, когда кавказская мышеловка захлопнется, и в новогоднюю ночь, прикрывшись арьергардами, начали поэтапный отвод своих войск от Терека в общем направлении на Ворошиловск. Результатом этого маневра должно было стать смыкание флангов 1-й и 4-й танковых армий в Манычской долине и создание сплошной линии фронта.

1 января боевая группа «Юнгшульц» оставила Элисту и присоединилась к отходящим частям 3-й танковой дивизии генерал-майора Вестхофена. На первый промежуточный рубеж, проходивший по линии реки Кумы, армия отступила в полном порядке и совершенно беспрепятственно. За дивизионными колоннами тянулись обозы беженцев-калмыков, казаков и «лиц кавказской национальности». Егеря генерала Конрада оставили Приэльбрусье.

Только на третий день генерал Масленников обнаружил, что основные силы противника покинули занимаемые позиции, и попытался организовать победоносное преследование. Однако, едва сдвинувшись с места, «преследователи» превратились в неорганизованную и неуправляемую вооруженную толпу.

«Преследование отходящего противника началось недостаточно организованно и с опозданием, – сообщает генерал армии С.М. Штеменко, в то время исполнявший обязанности заместителя начальника Оперативного управления Генштаба. – Средства связи оказались не подготовленными к наступательным действиям. В итоге уже в первый день преследования части перемешались. Штабы не знали точного положения и состояния своих войск (*естественно, что эти штабы могли знать о положении противника? – В.Б.*). 58-я армия отстала от соседей и оказалась как бы во втором эшелоне. 5-й гвардейский Донской корпус и танки не смогли опередить пехоту (!). Командование фронта пыталось навести порядок, но без особого успеха».

Благо немцы и румыны сами торопились смазать салом пятки.

И.И. Масленникова (1900 – 1954) в полководцы выдвинул Л.П. Берия. Ничем крупнее кавалерийской бригады, да и то в годы Гражданской войны, Иван Иванович не командовал. После разгрома белых гадов получил должность командира эскадрона. Всеобщее и военное образование приобрел сразу за один год учебы в Военной академии имени Фрунзе. В 1928 году перешел на службу в ОГПУ – НКВД, где достиг немалых высот. В июне 1941 года генерал-лейтенант Масленников уже был заместителем наркома по пограничным и внутренним войскам. С началом войны получил под свое командование 29-ю, а затем 39-ю армию в составе Калининского фронта. В июле 1942 года в районе города Белый армия была окружена и почти пол-

ностью уничтожена немцами. Командарм-39 спасся и буквально через две недели возглавил Северную группу войск Закавказского фронта – оборону Кавказа курировал Лаврентий Павлович. Оперативными талантами генерал Масленников не блистал, неоднократно снимался с должности с понижением, но, имея столь высокого покровителя, вновь всплывал и дослужился до генерала армии. После войны из Вооруженных сил вернулся в родную систему МВД.

В отличие от чекиста Масленникова, И.В. Тюленев (1892 – 1978) был чистокровным рубаккой буденновской породы и даже биографию имел схожую: два класса сельской школы, царский вахмистр, четыре Георгиевских креста в Первую мировую, лихие дела в рядах 1-й Конной армии. После Гражданской войны Иван Владимирович командовал различными кавалерийскими соединениями, был заместителем инспектора кавалерии РККА и, будучи на этом посту, издал сочинение под названием «Первая конная в боях за социалистическую родину», а после победы клана первоконников над «бандой тухачевских и гамарников» получил назначение на должность командующего войсками Закавказского военного округа. В 1940 году Тюленев стал генералом армии и командующим войсками Московского округа. Летом 1941 года он довольно неудачно командовал Южным фронтом, впрочем, кто в тот период мог похвастать успехами, затем почти полгода возглавлял резервную 28-ю армию, в мае 1942 года вступил в командование войсками Закавказского фронта. Немецкое наступление через перевалы Главного Кавказского хребта Тюленев, положившись на природную неприступность горных перевалов, по его собственному признанию, бездарно «проспал», хотя в конце концов врага удалось остановить. Воспрянув духом, командующий предложил Ставке сформировать на Кавказе конную армию, объединив в ее составе семь кавалерийских дивизий. Идея заинтересовала самого Сталина, но Генеральный штаб, исходя из опыта боевых действий, дал отрицательное заключение, полагая, что такая громоздкая организация «будет чрезвычайно уязвима с земли и с воздуха и не оправдает возлагаемых на нее надежд. При использовании конницы без средств усиления она несла слишком большие потери, достигая весьма ограниченных результатов своими поистине героическими рейдами. В некоторых случаях ее приходилось просто выручать, вплоть до подачи овса на самолетах в тыл противника, откуда кавалерийские соединения не могли выйти самостоятельно».

3 января Тюленев примчался к Масленникову, «чтобы лично руководить действиями войск». Однако и чекист и кавалерист, оба оказались непригодны к руководству маневренными операциями в современных условиях.

За трое суток «стремительного преследования» войска Северной группы продвинулись на некоторых отдельных участках от 25 до 60 километров, заняли Нальчик, Моздок, Прохладный, но основные силы фон Макензена не настигли. Это несмотря на то, что перед правым флангом группы Масленникова простиралась степь, и там действовали два кавалерийских корпуса и танковая группа генерал-майора Г.П. Лобанова, имевшая в своем составе три танковые бригады, танковый полк, отдельный танковый батальон, два истребительно-противотанковых полка – 106 танков и 24 бронемшины. На левом фланге, в полосе 9-й армии, оперировала танковая группа подполковника В.И. Филиппова – три танковые и одна стрелковая бригады, два танковых батальона и два истребительно-противотанковых полка – 123 танка.

«Штаб группы и штабы армий потеряли с войсками связь и не знали, где они находятся, – пишет маршал А.А. Гречко. – Так, 5 января штаб группы потерял связь с 58-й армией... Привела к путанице в управлении и потеря связи с 44-й армией. Двое суток не было связи штаба группы с 5-м кавалерийским корпусом и с танковой группой генерала Лобанова».

Прямой связи с Москвой тоже не было.

В итоге «танки и кавалерия не смогли опередить пехоту», а 58-я армия в ходе преследования очутилась в собственном тылу. В общем, врага не настигли. Оно, наверное, и к лучшему.

«Командование же Закавказского фронта, – пишет Штеменко, – не вполне точно оценивало обстановку. Главное внимание оно по-прежнему уделяло действиям Северной группы войск, хотя стало уже очевидным, что ее фронтальным преследованием противник только выталкивается. Значительно большие перспективы рисовались в полосе Черноморской группы войск. Но как раз здесь командование фронта ничего существенного не предпринимало». То есть Тюленев не понимал, что главная его задача состоит не в том, чтобы догонять уходящего, сохранившего свои силы и боевую технику противника, гордо рапортуя об освобождении населенных пунктов, а в том, чтобы отрезать ему все пути отступления и превратить предгорья Кавказа в могилу для оккупантов.

4 января в штаб Закавказского фронта позвонил Сталин и лично продиктовал директиву для командующего:

«Противник отходит с Северного Кавказа, сжигая склады и взрывая дороги. Северная группа Масленникова превращается в резервную группу, имеющую задачу легкого преследования противника. Нам невыгодно выталкивать противника с Северного Кавказа. Нам выгоднее задержать его с тем, чтобы ударом со стороны Черноморской группы осуществить его окружение. В силу этого центр тяжести операций Закавказского фронта перемещается в район Черноморской группы, чего не понимают ни Масленников, ни Петров... Первая задача Черноморской группы – выйти на Тихорецкую и помешать таким образом противнику вывезти свою технику на запад.... Вторая и главная задача ваша состоит в том, чтобы выделить мощную колонну войск из состава Черноморской группы, занять Батайск и Азов, влезть в Ростов с востока и закупорить таким образом северокавказскую группу противника с целью взять его в плен или уничтожить...»

В заключение Верховный потребовал, чтобы командующий фронтом немедленно выехал в полосу Черноморской группы, которая должна перейти в наступление не позднее 12 января, «не откладывая этого дела ни на час, не дожидаясь подхода всех резервов».

Что касается Северной группы войск, то Ставка рекомендовала не вытеснять противника, а подвижными соединениями охватывать его фланги и выходить на тыловые коммуникации с целью нанесения поражения врагу и захвата его техники. Штаб Тюленева ответил: «Есть!» – и тут же настроил стопку бесплодных приказов в лучших традициях довоенных маневров. Что несколько не помешало немцам продолжать организованный отход.

7 января Генеральный штаб провел анализ действий Северной группы и представленного ею плана «дальнейшего преследования противника». В документе отмечалось, что практика распыления сил кавалерийских корпусов и танковых групп продолжается, а войскам ставятся нереальные задачи: так, Кубанскому кавалерийскому корпусу предлагалось к 9 января овладеть Ворошиловском, удаленным на 200 километров от расположения корпуса; самой отстающей 58-й армии ставилась задача преодолеть за два дня свыше 100 километров. В то же время 9-я армия, имевшая наибольшее продвижение, задерживалась на месте на три дня и выводилась в резерв.

Генштаб со своей стороны предложил: продолжать наступление 9-й армии на Георгиевск, Минеральные Воды; основные силы подвижных войск использовать на правом фланге на путях отхода противника в районе Невинномыска, «а возможно, и глубже». На левом фланге иметь минимальные силы, чтобы они только сковывали, а не выталкивали противника из предгорий Главного Кавказского хребта. В тот же день два кавалерийских корпуса, обе танковые группы и 62-я стрелковая бригада были объединены в конно-механизированную группу под командованием генерал-лейтенанта Н.Я. Кириченко. Правда, неизвестно, когда эту новость получил сам генерал, поскольку командование Северной группы в очередной раз утратило связь со своим правым флангом. Впрочем, и Кириченко вряд ли знал, где находятся его дивизии, поскольку сей генерал-сказитель никогда не приближался к линии фронта ближе чем на 40 километров и радиосвязи с подчиненными штабами не имел.

Бывший унтер-офицер царской армии Н.Я. Кириченко в Гражданскую войну командовал карательным полком ВЧК. В 1924 году был назначен командиром бригады, в 1937-м – командиром кавалерийской дивизии, в марте 1941 года – командиром 26-го механизированного корпуса в Северо-Кавказском военном округе. В июле, в боях под Витебском, корпус прекратил свое существование. 17 мая 1942 года генерал-майор Кириченко принял под свое командование остатки разбитой в Крыму и эвакуированной на Тамань 51-й армии. В начале июня армию перегруппировали на Дон, но уже с новым командующим. Николай Яковлевич, побыв командармом 24 дня, стал командиром 17-го казачьего кавалерийского корпуса. Первоначально корпус создавался как добровольческое формирование, основной его контингент составляли казаки непризывного возраста. Задачей корпуса, в состав которого вошли 12-я и 13-я Кубанские, 15-я и 116-я Донские кавалерийские дивизии «легкого типа», являлось стеречь восточное побережье Азовского моря и Таганрогского залива. Пока противник отсутствовал, генерал Кириченко с этой задачей легко справлялся.

Однако 25 июля немцы приступили к реализации плана «Эдельвейс» по завоеванию Кавказа. Мощными ударами с плацдармов в нижнем течении Дона они взломали оборону Южного фронта и повели наступление на Ворошиловск и Краснодар. 28 июля корпус Кириченко вошел в состав Приморской группы Северо-Кавказского фронта, прикрывавшей Краснодарское направление и Таманский полуостров. В этот же день командовавший фронтом маршал С.М. Буденный приказал всем подведомственным войскам немедленно перейти в контрнаступление, повсеместно разгромить врага и восстановить положение, в частности 17-й кавалерийский корпус вместе с войсками 18-й армии должен был отбить у противника Батайск. Затея провалилась, но на рубеже реки Ея состоялось боевое крещение казаков, атаковавших станицу Кушевская.

Об этом бое писал в ЦК ВКП(б) заместитель командира корпуса полковник Бардадин: «Атака в 8 часов утра 29 июля не состоялась, так как опоздали два полка 13-й кавдивизии, и с выходом их в исходное положение атака началась в 11 часов 30 минут. С началом атаки противник обрушился артиллерийским, минометным и пулеметным огнем на атакующие группы конницы, вследствие чего полки понесли большие потери в людском и конском составе, атака захлебнулась и конница повернула назад. Пешие части 15-й кавдивизии подошли к южной окраине Кушевки и дальше продвинуться не смогли. 24-й полк участия в рубке не принимал, неся потери от огня противника, вернулся обратно. 33-й полк 13-й кавдивизии участия в рубке не принимал, понес большие потери, чем 24-й полк. Полк, действующий на вспомогательном направлении, участия в атаке не принимал, так как с ним не было связи, и только в 15 часов командир полка по личной инициативе решил выполнить поставленную задачу, напоролся на огонь противника, понес потери и отошел в исходное положение.

В результате атаки наши части станицу Кушевку не заняли, противник остался на занятых им позициях. Потери с нашей стороны – 400 человек убитых и раненых, около 200 лошадей. Со стороны противника – максимум 100 – 150 зарубленных и покалеченных, 3 человека пленных. Трофеи – 6 мулов, 5 автоматов».

В этих труднейших условиях в полной мере начал проявляться истинный талант генерала Кириченко – литературный. Штабу фронта он доложил, что казаками изрублено 5000 человек (!), 300 человек взято в плен, уничтожено 50 танков (!!), захвачены богатые трофеи. Откуда в 198-й пехотной дивизии оказалось столько танков – тайна сия велика есть. Наши военно-патриотические историки не задумываясь перепевают баллады, то есть боевые донесения, Кириченко: «Под станицей Кушевская конники на галопе подлетали к танкам, прыгивали на броню и бутылками с горючей смесью поджигали машины (!)». Поскольку сразу после свершения этих героических дел корпус, потерявший свыше 40% личного состава, резво отступил за реку Кубань, повторно пересчитать «зарубленных» немцев и «сгоревшие» танки не удалось.

10 августа 17-й кавалерийский корпус и 18-я армия получили новую задачу: закрыть дорогу на Туапсе. Но уже через два дня догнавший-таки конников противник форсировал реку на участке кубанцев и прорвался в район Хадыженской. Военный совет фронта отмечал:

«1. Прорыв противника в районе Хадыженская произошел исключительно по вине командования 17-го кавалерийского корпуса генерал-майора Кириченко и полкового комиссара Очкина...»

*2. В течение 12 – 16.8.42 г. командование 17-го кавалерийского корпуса не выполнило ряд задач: а) допустило прорыв противника на участке Ханское – Великое; б) не уничтожило противника в районе Гурийское – Кабардинская, несмотря на полученные указания дважды; в) на протяжении двух дней 17-й кавалерийский корпус топтался на месте и не вел решительных действий по уничтожению противника в районе Тверская – Хадыженская; в) командование корпуса неоднократно меняло место расположения своего штаба без разрешения штаба фронта, **отрываясь от войск до 50 километров**, что приводило к потере управления и связи со штабом фронта...»*

12-я и 13-я кавалерийские дивизии начали отход на станицу Апшеронскую, но «так как противник, упредив их, автоматчиками занял Апшеронскую и распространился на Хадыженскую, командование обеих дивизий сделало вывод, что они якобы попали в окружение, не приняв решительных мер с малочисленными группами противника, начали в беспорядке, не имея связи с корпусом, выходить из «окружения». 12-я кавдивизия горными тропами «выходила» в направлении Сочи, не имея боев с противником, и была остановлена от дальнейшего «выхода» штабом фронта в районе Красно-Александровский. 13-я кавдивизия «выходила» в район Черниговская – Рожет и была остановлена командующим 18-й армией, который временно подчинил ее себе».

В результате дивизии потеряли (не в бою, а «закопали» и «испортили», то есть попросту бросили) 15 орудий, 2 минометные батареи, 2700 винтовок, радиостанцию, 11 автомобилей, 14 пулеметных тачанок, выкинули «людские и конские противогазы» и все «трофеи». Части корпуса оказались в составе 18-й и 12-й армий. Где находился в это время Кириченко и чем он руководил, установить не удалось, зато известно, чем он занимался – описывал свои подвиги и сочинял наградные представления. Победные реляции, регулярно отправляемые в Москву, сделали свое дело. 27 августа 1942 года «за стойкость и дисциплину, героизм и организованность» корпус приказом НКО СССР был преобразован в 4-й гвардейский, Николая Яковлевича наградили орденом Ленина и присвоили воинское звание генерал-лейтенанта.

Заодно орден Ленина вручили 19-летней фельдшернице Ольге Бражник. Если верить представлению штабкора, она, числясь в полевом госпитале, на хрупких девичьих плечах вынесла с поля боя 131 раненого с оружием. Правда, согласно материалам расследования, проведенного инспекцией кавалерии три месяца спустя, в госпиталь Оленька являлась только за жалованьем, а прописалась «в одной комнате с генерал-лейтенантом Кириченко и занимается его обслуживанием». Начальник штаба корпуса генерал-майор Дуткин свою пассивность тоже не забыл и выбил ей медаль «За боевые заслуги»: скромная машинистка оперативного отдела лично убила трех немцев, «напавших на штаб корпуса».

Мне глубоко безразличны подробности интимной жизни Кириченко, но, по определению, орден Ленина – высшая награда Советского Союза «за особые заслуги в социалистическом строительстве и обороне страны». Невозможно себе представить Клейста или Эйзенхауэра, проводящих вечера в компании связисточек или медсестричек, награждающих их Железными крестами и медалями Конгресса. А Кириченко, Хозина или Жукова – запросто – рядовое в Красной Армии явление. На груди жуковской Лидочки уместились орден Боевого Красного Знамени, Красной Звезды и еще семь «боевых» наград. Высоко ценили советские генералы беззаветную храбрость на постельном фронте. Ну, так не из своего же кармана платили «за обслуживание».

Можно вспомнить известную докладную записку на имя члена ГКО Маленкова «О морально-бытовом разложении комполсостава частей и соединений 59-й армии» Волховского фронта, герои которой – старшие командиры и комиссары – чуть ли не поголовно «пьянствуют и в половом отношении развратничают», не забывая, однако, скармливать дезинформацию своему командованию: *«Характерно отметить, что командование 59-й армии, зная о том, что 377, 372, 374 и 378-я стрелковые дивизии активных действий не ведут и фактически занимают оборону, в оперативных сводках штаба действия этих дивизий отмечаются «активным сковыванием противника» и «ведением боевой разведки». Бездеятельность этих дивизий в оперсводках также называется «отражением контратак противника», не стыдясь сообщать, что дивизии отбивают контратаку одного взвода противника».*

На этом фоне почти невинной шуткой смотрится история, рассказанная генералом армии П.И. Батовым, командовавшим армией в составе Донского фронта. Генерал К.К. Рокоссовский приказал Павлу Ивановичу провести частную операцию и очистить от противника высоту с названием Пять курганов. Командарм поручил это дело лихому командиру 173-й стрелковой дивизии, знатному мордобойцу полковнику В.С. Аскалепову, и стал ждать результата: «Под вечер Аскалепов донес: «Взят один курган». Иван Семенович с чувством удовлетворения направил об этом донесение в штаб фронта. На второй день Аскалепов доложил: «Взят второй курган». Очень хорошо!.. На третий день меня вызвал к телефону Рокоссовский и с ледяной вежливостью, слегка вибрирующим голосом спросил:

– Павел Иванович! Прошу вас сообщить мне, сколько курганов вы собираетесь еще взять на отметке сто тридцать пять ноль?

Начальник штаба глядел на меня сочувственно:

– Кажется, попали в историю!

Одним словом, никаких курганов обнаружено не было. Они существовали только в названии высоты. К счастью, началось наступление и охотничьи рассказы комдива 173-й закончились благополучно, без взыскания».

Очковтирательство в Красной Армии существовало всегда, как в мирное, так и в военное время, ибо ничто так не радует взор начальника, как со вкусом выполненная залепуха.

«Без туфты не обойдешься – тогда у тебя харч будет весомее».

С 13 сентября 1942 года генерал Кириченко ровно одну неделю командовал 12-й армией. Потому ничего выдающегося совершить не успел. Армию расформировали, а кавалерийский корпус (без донских дивизий, на их базе чуть позже сформируют 5-й гвардейский кавкорпус) через Грузию и Азербайджан перебросили с туапсинского направления в район Гудермес – Шелковская, на правый фланг Северной группы войск Закавказского фронта. Предполагалось, что там кавалеристам будет где развернуться. Они должны были вести набеговые операции по тылам 1-й танковой армии в обход ее открытого фланга. 2 октября 4-й гвардейский корпус, в состав которого влились 30-я и 63-я кавдивизии, оригинально пополненный выпуском авиационной школы, двинулся по Прикумской степи в направлении на Ачикулак. С самого начала «дерзкий рейд» в тыл врага превратился в конвоирование каравана с продовольствием и фуражом, от которого кавалерия старалась не удаляться. Темп продвижения диктовали груженные верблюды. Не встречая противника, не особо торопясь, казаки за двенадцать дней преодолели 150 километров (то есть со средней скоростью чуть больше 10 верст в сутки), пока неожиданно для себя не были остановлены моторизованными батальонами особого корпуса «Ф» и крепко побиты: лобовые конные атаки на опорные пункты – не самая лучшая тактика. 7 ноября Кириченко решил свернуть операцию и без разрешения командования начал отводить дивизии в направлении Черного Рынка, к Каспийскому морю. Вслед неслись телеграммы генерала Тюленева: «Поставленная вам задача набеговых операций во фланг и тыл противника наилучшим образом обеспечивает прикрытие железной дороги Кизляр – Астрахань и совершенно несовместима с вашим отходом на восток. Немедленно примите меры к установлению

соприкосновения с противником своими передовыми частями и обеспечению за собой ранее захваченной полосы...»

Бесполезно. Николай Яковлевич давно ответил себе на чапаевский вопрос: «Где должен быть командир?» – будь то наступление или ретирата: *«Произведенным расследованием установлено, что в боевой обстановке управление дивизиями со стороны штаба корпуса было недостаточным. Штаб корпуса во время боевых действий находился от дивизий, ведущих бой, на удалении от 40 до 60 километров, а в донесениях штабу фронта имели место преувеличенные данные о противнике и его потерях»*. Выяснилось также, что за все время командир корпуса всего лишь один раз побывал в одной из четырех своих дивизий, и то не по своей воле, а сопровождая нагрянувшее начальство.

Меллентин следующим образом описывал летнее наступление 4-й танковой армии: «Все старшие офицеры, в том числе и командиры корпусов, находились в боевых порядках передовых частей. Даже генерал Гот чаще бывал в передовых танковых частях, чем в своем штабе, хотя штаб армии всегда находился близко к фронту. Командиры дивизий двигались с передовыми отрядами в сопровождении бронированных подвижных средств связи, с помощью которых они управляли сложными передвижениями своих войск. Они видели, как разворачивается бой, и могли быстро использовать всякий благоприятный момент. Многие офицеры 4-й танковой армии служили раньше в кавалерии и сохранили смелость и порыв, присущие кавалеристам».

Что мог противопоставить такому противнику генерал Кириченко, сочетавший характерную для многих советских первоконников безграмотность и в целом несвойственную кавалеристам осторожность?

Потому и в штабе Северной группы не имели понятия о местонахождении танковых и кавалерийских частей.

В ночь на 8 января 1942 года Сталин продиктовал очередную телеграмму для Масленникова и Тюленева: *«Третий день проходит, как не даете данных о судьбе ваших танковых и кавалерийских групп. Вы оторвались от своих войск и потеряли связь с ними. Не исключено, что при таком отсутствии порядка и связи в составе Северной группы ваши подвижные части попадут в окружение у немцев. Такое положение нетерпимо. Обязываю вас восстановить связь с подвижными частями Северной группы и регулярно, два раза в день, сообщать в Генштаб о положении дел на вашем фронте»*. Днем Верховный еще раз напомнил: *«Обратите внимание на Масленникова, который оторвался от своих частей и не руководит ими, а плавает в беспорядке»*.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.